

I. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОПИСАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81-13

О КОГНИЦИИ, КУЛЬТУРЕ И ЦИВИЛИЗАЦИИ В ТРАНСФЕРЕ ЗНАНИЙ*

В.З. Демьянков*Институт языкознания РАН (Москва, Россия)**valera.valing@gmail.com*

Описывая языковые свойства больших корпусов текстов, лингвисты имеют дело со следами «трансфера знания». Такой подход к описанию языка характеризует антропологически ориентированную когнитивную лингвистику. Помимо констатации значения языковых выражений, когнитивные лингвисты пытаются еще и выявить динамику человеческого знания, проявленную в явлениях непрямого значения и коннотаций. Так, трансфер знания лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда о том, что не дано непосредственно, говорят в терминах непосредственного знания. При этом предполагается разграничение между цивилизацией (как набором наднациональных стандартов и закономерностей человеческого поведения) и культурой (как набором национальных стандартов и закономерностей поведения). Языковая когнитивность покоится не только на цивилизационно обусловленных, но и на культурно обусловленных знаниях. Небуквальные употребления слов со значением «черный» в русском и некоторых других языках демонстрируют некоторые различия в механике цивилизационно обусловленного и культурно обусловленного трансфера знаний.

Ключевые слова: трансфер знания, небуквальное употребление языка, цивилизационно обусловленный vs. культурно обусловленный трансфер знания.

DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-5-9

1. Прямое значение и коннотация

Начнем с одного примера, который позволит сделать наглядными положения, связанные с соотношением когнитивности, культуры и цивилизации.

В российских средствах массовой информации недавно прозвучали сообщения о «черных» листовках, призывающих к свержению власти. При этом имелось в виду, что авторы листовок этих неизвестны или что листовки противозаконны. В какой степени такой перенос связан со знанием о черном цвете?

Черный цвет одежды в общественной жизни обладает связью с торжественностью. Так, известно, что фраки в России XIX в. могли быть самых разных цветов, однако в торжественных случаях уместен (в XIX–XX вв. исключительно, а сегодня – как правило) черный фрак.

Откуда же ассоциация черного с мрачным, даже со злым, существующая не только в русской культуре, но и в европейской, и даже в неевропейских культурах? Ведь изначально у этого эпитета не было такого негативного значения. Черный цвет исходно был цветом обыденности, неброскости. Например, *черный монах* – рядовой, не выслужившийся еще член братства. Слово *чернь* первоначально также не имело такого оттенка «злого» – скорее значение «рядовой». *Очернить* кого-либо в переносном смысле значило первоначально, по видимому, «сделать обыденным, ничем не выделяющимся». Затем – «свести с пьедестала, лишить высокого статуса» (ср. в речи уголовников *опустить*). Затем же, по инерции «ухудшения», *черный* начинает означать «плохой» и даже «злонамеренный», а не просто «посредственный». А место «черноты» в этом смысле сегодня занял серый цвет – ср. *серость* в значении «посредственность».

Это «созначение» (коннотация) черного, т.е. ассоциация с мрачным и даже со злым, характеризует не только русскую культуру, но и евро-

* Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

пейскую цивилизацию (частью которой является и Россия), а также неевропейские культуры. Например, по-турецки *kara* означает не только 'земля', но и 'черный, цвета земли'. По переносу вполне обычно по-турецки употребить этот же эпитет в значении 'тяжелый, мрачный': напр., *kara düşünceler* «мрачные мысли», *kara gün* «черный день, тяжелые времена»; *kara ağızlı* (буквально, 'обладающий черным ртом') имеет значение 'клеветник'. Вообще же по-турецки, как и в других тюркских языках, черным, т.е. грустным и печальным, может стать практически все.

Созвучно это цветовым ассоциациям в европейских культурах, начиная с античности, особенно со словоупотребления в латыни. Так, и по-русски, и по-английски, и по-итальянски, и по-французски неблагодарность бывает черной (*black ingratitude, nera ingratitude, noire ingratitude*). Поливая грязью, мы черним или очерняем и т.п.

По-немецки идут даже дальше, когда говорят о «черной» душе (*schwarze Seele*), о «черном» сердце (*schwarzes Herz*) и о «черном» поступке (*schwarze Tat*): по-русски в таких случаях чаще говорят о низкой душе, о злом сердце и о гнусном поступке. В европейских культурах, как и по-русски, «чернеют», когда погружаются в заботы. Однако по-испански, по-итальянски и по-французски говорят о «черной судьбе» (*suerte negra, nero destino, noire destinée*), имея в виду горькую, а не черную долю. А французским «черным предчувствиям» (*noirs pressentiments*) соответствуют русские *тяжелые*, а не *черные предчувствия*.

Возможно, в будущем мы по-русски будем еще говорить, как сегодня по-французски, о черном романе (*roman noir*) – романе ужасов – и о черном фильме (*film noir*) – фильме ужасов.

Итак, в моральной области *черный* по-русски и во многих других языках значит одновременно и «плохой», и «злой», и «скорбный». В области ритуалов этот цвет символизирует нечто торжественное, не обязательно праздничное, но и не обязательно мрачное.

Значительно меньше в русском языке представлена весьма распространенная в других языках и культурах ассоциация черного с противозаконной деятельностью и с прямым обманом. Русскому *черный рынок* находим соответствие и в тюркских языках (*kara borsa, kara pazar*), и в западноевропейских языках (ср. английское *black market*, немецкое *Schwarzmarkt*, французское *marché noir*). В словосочетании *черные листовки* эпитет *черный* связан скорее всего со значением «поддельный, незаконный», как в немецких

Schwarzhörer «черный слушатель» (радиозаяц, владелец незарегистрированного радиоприемника), *Schwarzfahrer* «черный пассажир» («заяц», безбилетник), *Schwarzkäufer* «черный покупатель» (покупатель на черном рынке или из-под полы) и т.п. С этим оттенком в русском языке на протяжении последних веков о черном говорят все-таки значительно реже, чем с коннотацией «мрачный».

2. Трансфер знания и переносное значение

В переводоведении термин *трансфер знака* используется в значении «перенос некоторого знака как элемента некоторой знаковой структуры и как потенциала формы и функции в состав другого знака, в качестве элемента другой знаковой структуры». С помощью этого понятия описываются прямые и обходные маневры при переводе «трудных» выражений с одного языка на другой. Некоторые из этих приемов мы видели выше.

По переносу, трансфером знаний в широком смысле называют передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем (см. [Демьянков 2015]). Такие знания переносятся из одной позиции в «информационной системе» человека в другую позицию – той же или другой системы.

В узком же смысле трансфер знаний – перенос мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую. Так, метафора – употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже.

В последнее столетие очень широко исследуются различные виды трансфера знаний, когда понятия той или иной социальной или гуманитарной науки анализируются в опоре на то, как об этих понятиях принято говорить в обыденной речи, т.е. не в специальных научных дисциплинах. Классифицируя различные контексты употребления научных терминов и/или конструкций в обыденной речи, делают выводы о том, что же лежит за соответствующими научными понятиями.

Не менее полезным оказывается понятие «трансфер» при описании и объяснении механики переноса значений. Ведь трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда речь о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, данных опосредованно. Тогда имеют

дело с трансфером «от известного к неизвестному». В частности, техники анализа обыденных значений у слов, используемых в научном и политическом дискурсе, позволяют выявить механизмы такого трансфера знаний.

Такой взгляд был представлен в российской науке о языке еще в 1980-е гг., когда принималось, что метафора «... способна обеспечить рассмотрение вновь познаваемого через уже познанное, зафиксированное в виде значения языковой единицы. В этом переосмыслении образ, лежащий в основе метафоры, играет роль внутренней формы с характерными именно для данного образа ассоциациями, которые предоставляют субъекту речи широкий диапазон для интерпретации обозначаемого и для отображения сколь угодно тонких “оттенков” смысла» [Телия 1988: 179]. И далее: «метафоризация – это процесс такого взаимодействия указанных сущностей и операций, которое приводит к получению нового знания о мире и к оязыковлению этого знания. Метафоризация сопровождается вкраплением в новое понятие признаков уже познанной действительности, отображенной в значении переосмысляемого имени, что оставляет следы в метафорическом значении, которое в свою очередь “вплетается” в картину мира, выражаемую языком» [Телия 1988: 186].

Пользуясь термином «трансфер» в подобном семантическом описании, мы переносим центр тяжести с понятия «значение» на понятие «знание» – как и следует ожидать от когнитивной лингвистики. Знание – принадлежность человека, то, что человек знает. Субъектом трансфера знаний является человек, иногда очень конкретный носитель этих знаний. В противоположность этому, перенос значения осуществляется как бы «сам по себе», в рамках некоторой абстрактной системы значений языкового выражения: переносное значение – предприятие «безличное», псевдосубъектом этого переноса является знак, получающий это переносное значение и существующий как бы отдельно от человека. Причем знак выступает в роли получателя, а кто является дающим в такой ситуации, остается за пределами речи о семантическом переходе. Мы можем сказать: «Коля передал свои знания ученикам», но странно звучит: «Коля перенес значение слова *кошка* на жену», при нормальном: «Коля употребил слово *кошка* в переносном значении». О значении говорят как об одной из сторон языковых выражений: допустимо сказать, что человек знает или не знает значения знака. А о знании

не говорят «X знает знание K». Таким образом, внимание к тому, как происходит трансфер знаний, является еще одним проявлением антропоцентризма в нашей науке (см.: [Кубрякова 1995; Болдырев 2015]).

3. Культура и цивилизация

Одни и те же феномены человеческого бытия можно объяснять с нескольких точек зрения. В частности, с точки зрения культурной и цивилизационной. Как известно, термины *цивилизация* и *культура* соперничают в различных концепциях развития человеческой ментальности. А именно, французский термин *civilisation*, вошедший в середине 18 в. в научный оборот и во Францию, и за ее пределами, имел значение «культура как образ жизни». Недаром, в отличие термина *культура*, изначально этот термин не имел формы множественного числа: когда говорили о цивилизации, имели в виду некоторый единственный, уникальный, идеальный образ жизни, взятый в отвлечении от различий, существующих в реальных обществах¹. Термином же *культура* западноевропейские исследователи обозначали различные экзотичные общества, за пределами «западной цивилизации». Вот почему сегодня стихийно установилось следующее разграничение задач: культурология занимается исследованием культуры «изнутри», глазами носителя этой культуры, а этнология – глазами внешнего, «надкультурного» наблюдателя – носителя цивилизации, а не самой этой исследуемой культуры.

В языкознании 20-21 вв. часто видят аналогию между цивилизацией и универсалиями языка, с одной стороны, и культурами и идиоэтническими особенностями языкового употребления, с другой. Иначе говоря, выражаясь языком пропорций, имеем: цивилизация так относится к культурам, как «универсальный язык» («универсалии языка») относится к исторически засвидетельствованным языкам.

При таком понимании цивилизационные ограничения на исторически засвидетельствованные языки можно представить себе как границы,

¹«“Civilization” was a term coined in France in 1750s and quickly adopted in England, becoming very popular in both countries in explication of their superior accomplishments and justification of their imperialist exploits [...]. The meaning was the same as the sense of “culture” as a way of life that is now proper to anthropology. Among other differences, “civilization” was not pluralizable: it did not refer to the distinctive modes of existence of different societies but to the ideal order of human society in general [...]» [Sahlins 1995: 10-11].

предопределяющие развитие языков в рамках существующей цивилизации.

Выявление этих границ в гуманитарных науках происходит методом «реконструкции» (внутренней и/или внешней): рассматривая реликты и «слабые места» в наблюдаемых свойствах реальных языков, устанавливаются, какие расхождения между языками случайны, а какие обусловлены языковыми универсалиями, лежащими в основе когнитивного механизма всех человеческих языков.

Методы такой культурологической реконструкции оказались весьма плодотворными для современной лингвистики. Здесь эти методы используются не только для восстановления внешней формы языковых знаков – того, как они выглядели или звучали в далекие времена праязыка, – но и для выявления системы закономерностей, связывающих языковые знаки между собой и с их значениями в речи. Иначе говоря, для интерпретации эмпирических данных в цивилизационно предначертанных рамках (когда ученый стремится к «надкультурной», этнологической реконструкции) – или в рамках конкретной культуры (когда исследователь по той или иной причине, вольно или невольно «заземлен» на конкретную национальную культуру и не обладает амбициями выйти за ее пределы).

Интерпретируя факты, а также чужие и свои высказывания, человек обладает свободой, которая также может по-разному рассматриваться: в цивилизационном и/или культурном формате. В этом аналогия с диалогом, когда мы стремимся понять другого человека, понять себя, понять только текст и т.д. – в зависимости от своей техники понимания, от того, к чему мы подготовлены в большей степени своим предшествующим диалогическим опытом. Понимание – одновременно и интерпретативная деятельность (в этом можно видеть культурную обусловленность), и идеал, к которому мы стремимся (и это – цивилизационная составляющая понимания). Среди прочего, понимание – оценочный термин: понять нечто – значит, правильно или хорошо понять; когда кто-либо неправильно нечто понял, не говорят, что он понял. Понимание связано с ценностями, а потому и с выбором из множества альтернатив. Отсюда вытекает, что понимание обладает и своими культурами (см. [Демьянков 2001: 318]), и своей цивилизацией. Соответственно, прогресс искусства понимания можно видеть в расширении свободы каждого отдельного человека при выборе своего «параметра»,

своей позиции на шкале альтернатив. Это способность оценить правильность выбора способа понимания, того, как воспринимать речь в конкретном эпизоде своей жизни.

Интерпретация же текста предстает перед нами как занятие, связанное с решением интеллектуальной задачи – с распознаванием значения, иногда глубоко спрятанного. И этот момент прекрасно уловила В.Н. Телия: «Узнавание метафоры – это разгадка и смысловая интерпретация текста, бессмысленного с логической точки зрения, но осмысленного при замене рационального его отображения на иногда даже иррациональную интерпретацию, тем не менее, доступную человеческому восприятию мира благодаря языковой компетенции носителей языка» [Телия 1988: 204].

Сегодня, когда освоение большого эмпирического материала происходит в опоре на большие корпуса текстов, с помощью «понимающей» социологии текста (или «социологии дискурса») исследуются многие важные культурно и цивилизационно нагруженные понятия. Этот метод лежит в основе, например, контрастивной лингвистической философии, исследующей обыденную речь о философски нагруженных понятиях в разных языках.

Исходным для этого метода является вопрос, почему об одних и тех же идеях, тождественных в рамках данной цивилизации, в разных культурах говорят по-разному. И говорят ли действительно об одних и тех же идеях (как если бы они принадлежали одной общей для разных народов цивилизации) – или имеются в виду совершенно разные идеи.

Такое исследование интересно не только для языкознания: оно может служить пропедевтикой для философского исследования, ни в коей мере, впрочем, не подменяя его. Этот лингвистический метод имеет отношение к исследованию языка и скорее констатирует, чем пересматривает существующие философские установки. Философская же интерпретация, помимо анализа данных, часто бывает связана с «хирургическим» вмешательством в наличный интеллектуальный аппарат философа.

Таким образом, на границе между философией и языковедением лежит выявление тех аспектов языка, которые позволяют взглянуть на цивилизационный мир, лежащий за пределами родных национальных (т.е. «культурных») сфер жизни человека.

4. Заключение

1. Вряд ли есть прямая зависимость между употреблением слов и философскими установками разных народов, говорящих на разных языках. Более того, наблюдения приводят нас к вопросу: а действительно ли мы говорим об одних и тех же вещах на разных языках?

2. Когнитивная, лежащая в основе употребления различных языков, не только заставляет человека опираться на различные «культурно обусловленные» знания внеязыковой действительности, – но и на различные способы трансфера знаний.

3. Пути познания одних и тех же (универсальных, цивилизационных) сущностей в различных языках и культурах различны. Языковая когнитивность включает в себя не только то, что связано с восприятием предметов самих по себе, но и культурные и цивилизационные аспекты такого восприятия.

Список литературы

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и ка-

тегориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: Универсальные и национальные (идиоэтнические) стратегии // Язык и культура: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 309-323.

Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. 23. С. 17-29.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Ин-т языкознания РАН, 1995. С. 144-238.

Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.

Sahlins M.D. How “natives” think: About Captain Cook, for example. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995.

ON COGNITION, CULTURE AND CIVILIZATION IN KNOWLEDGE TRANSFER

V.Z. Demyankov

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

valera.valing@gmail.com

Linguists describing large text corpora normally explore what may be called linguistic traces of knowledge transfer. Such approach to linguistic description characterizes anthropologically-oriented cognitive linguistics. Additionally to considering meanings of linguistic expressions cognitive linguists try to elicit the dynamics of human knowledge evidenced by phenomena usually looked at as non-literal meanings and connotations of linguistic units. Thus knowledge transfer underlies non-literal use of linguistic expressions when what is not immediately experienced is talked about in terms of what is immediately known.

The distinction between civilization (as a set of standards and regularities of human behavior above the national level) and culture (as a set of national standards and regularities of behaviour) may be useful. Linguistic cognition relies not only on immediate knowledge but also on civilizationally and culturally induced knowledge. Non-literal uses of words denoting “black” and “heritage” in Russian and in some European and non-European languages demonstrate some differences of mechanisms of civilizational and cultural knowledge transfer.

Key words: knowledge transfer, non-literal use of language, civilizationally induced vs. culturally induced knowledge transfer.

Acknowledgments: The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 14-28-00130 at Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Demyankov, V. Z. (2016). On cognition, culture and civilization in knowledge transfer. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4, 5-9. (In Russ.).

Для цитирования: Демьянков В.З. О когнитивной, культуре и цивилизации в трансфере знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 5-9.